

КУКОЛЬНЫЕ РЕЦЕНЗИИ В ПРЕДВЫБОРНОЙ ГОНКЕ

Мария Арбатова

КУКОЛЬНИК — это артист, панически боящийся сцены. Самый страшный сон кукольника: ширма падает, и зрители видят его в полный рост. Рецензент — профессия в смысле самодемонстрации противоположная. Если в данную единицу времени у тебя нет своего голоса или смелости им пользоваться, ищи другую работу. Однако последнее время рецензентская среда вбирает в себя всю пересортицу литературной и журналистской тусовки, все больше и больше переставая соответствовать своему прямому назначению.

Жизнь свела меня с этой проблемой сразу после издания автобиографического текста «Мне сорок лет». Сначала позвонила девушка из толстого журнала и сказала обидным голосом: «Ваша книжка глубоко отвратительная, и я хочу написать о ней в форме сценария ток-шоу «Я сама». Как будто я задаю вам вопросы и сама отвечаю на них цитатами из вашего текста». На вопрос, в состоянии ли она отрецензировать ненавистное своими словами и от своего лица, девушка ответила отрицательно.

Следом за ней материализовался господин из тонкой газеты, намеренный отрецензировать «Мне сорок лет» в жанре диалога Арбатовой с Моникой Левински, не прибегая ни к моей, ни, естественно, к Моникойной помощи.

В «Независимой газете» Анна Максимова расширила круг гипотетических единиц, рассуждающих о романе «Мне сорок лет» вместо нее, аж до восьми. Первое действующее лицо ка-

пустника-опроса, фиговым листком которого Анна Максимова укрывает стыд за собственное мнение, — «Елена Ивановна К., Подольск». Устами «Елены Ивановны К.» рецензентка сообщает об авторском тексте: «...всех своих любовников назвала, а их штук 30, и половину прямо по фамилии...» Это ложь первая. Ни одной адюльтерной фамилии в тексте нет, что, кстати, оговорено уже в предисловии.

Следующий виртуальный герой рецензии-опроса — «Женский клуб «Равенство» утверждает об авторе: «...означенная дама не имеет к нему (феминистскому движению) никакого отношения, также неизвестна ни одна ее общественная инициатива, направленная на улучшение положения женщин на территории бывшего СНГ, она не является участницей ни одного научного конгресса по теме». Госпоже Максимовой известна моя общественная биография, поскольку именно «Независимая газета» эту тему исследовала полтора года назад. А уж о возглавляемых мною с 1991 года женских клубах недобросовестная авторша никак не может не знать.

Четвертый компьютерный герой — «Николай Любов, член Союза писателей» — гневается на то, что во фразе «Как поэт Гребенщиков «Как хорошо проснуться одному в своем уютном холостяцком флете...», не проставлено «слова А.Вертинского, музыка народная», и громко настаивает на том, что он знает, кто такой Вертинский, а Арбатова не знает. Понятно, что моя фраза «гамлетовское: «Кто я, тварь дрожащая или право имею?» воспринимается «виртуальным писателем» с линейностью учительницы младших классов, и «он» пафосно ут-

верждает, что Гамлета с Раскольниковым «мать двоих детей, замученная работой в телешоу, может путать». Здесь лавры героя шукшинского рассказа «Срезал» обидным образом опрошают рощерк пера рецензентки.

Очередное вымысленное лицо зовут «Глеб Кун, психолог». Сей персонаж околотусовочным языком ставит мне психиатрические диагнозы и выписывает рецепты. Впрочем, явно не дотягивая до страстности монолога соседних виртуалов. Было бы естественней коротко распорядиться: «Аминазин! И в палату!»

Следующий персонаж «Анна Вербиева» (псевдоним, под которым обычно печатается Максимова) сообщает: «Маша Арбатова — драматург, поэтесса и прозаик не достигла заметного успеха...» Если бы связкам побелей или хотя бы стопкам антибуферов, то справедливо. Но если «по понятиям» российского литературного процесса, то извините. Девять пьес из четырнадцати опубликованы. По четырем сделаны радиоспектакли, одна экранизирована, десять поставлено в тридцати российских и зарубежных театрах. Сборник прозы «Меня зовут женщиной» разошелся тиражом 15 тыс. экземпляров, роман «Визит нестарой дамы» — тиражом 30 тыс. экземпляров. Всякие там лауреатства боннских биеннале, золотые медали кембриджских университетов и прочие овеществленные признаки «заметного успеха» в глазах незаметного рецензента в полном порядке. Так что налили ложь третья.

Так почему же Анна Максимова устами капустных персонажей с такой высокой плотностью и экзистенциальной настойчивостью транслирует неправду?

Рецензия озаглавлена «Трепещи, российский парламент! Предвыборная кампания Маши Арбатовой взяла старт». И конторы лжи собирают образ «кандидата в депутаты» в густой портрет. Итак, доверчивый электорат, Анна Максимова предупреждает: будущая участница предвыборной гонки описала свою сексуальную жизнь с адресами и явками; является хлестаковым от феминистского движения; имея диплом Литературного института, путает Гамлета с Раскольниковым; жгуче ненавидит собственную мать; декомпенсирована психически; вопреки заявленному в романе неуспешна как писательница; удачной всего вписывается в образ Жириновского в юбке. Так что думайте прежде, чем отдать свои голоса монстру!

Для полной картины не хватает съемки в бане и видеозаписи участия в заказывании убийства.

Впрочем, это уже большой бизнес Ларисы Кислинской, Анна Максимова еще только «перстами робких учениц»... Но подозреваю, что рецензентке «Независимой газеты» никто не проплачивал слив мелкого ложного компромата. Ближе к выборам подкинули бы за это долларов, а нынче рано сеять, еще не пахали. Дай бог, если она столь экзотическим способом решила собственные психологические проблемы и публично разобралась с призраками текста «Мне сорок лет», генерирующими горькое неприятие, конвертирующееся в мстительную ложь.

Как немолодой писательнице мне это, конечно, льстит, а как начинающей политической деятельнице внушает омерзение. Кальдерон утверждал, что человек, прибегающий к публичной мести, не получает ничего, кроме огласки своего позора, потому что месть в этом случае обнаруживает то, что таила обида. Но если б на меня! «Что он Гекубе, что ему Гекуба?» Это обида на то, что жизнь меняется быстрее, чем ты ее успеваешь понять. На то, что другие осваивали пространство своего времени не так, как ты.

Эта обида может быть справедлива, может быть не справедлива. Но почему она обслуживает себя фальсификациями? Почему не научилась говорить собственным голосом, кто отрезал ей язык? Почему рецензент видит ночами сон кукольника, просыпаясь в холодном поту, когда падает ширма и читатель видит его в полный рост? Есть ли смысл в существовании рецензента-кукольника в общекультурном процессе? Не лучше ли предложить печатные площади тем, кто уже разобрался с кризисом идентичности и транслирует читателю оценочную

информацию о прочитанных текстах, а не издержки собственных комплексов в гарнире ложных фактов?

«ПО ПОНЯТИЯМ
РОССИЙСКОГО
ЛИТЕРАТУРНОГО
ПРОЦЕССА»

В годы моего студенчества в «Московском комсомольце» была дивная рубрика «Предварительные мемуары» — школьники и первокурсники описывали сценки из собственной жизни, сводили счеты с педагогами, иногда сочиняли маленькие рассказы. Было мило, живо и временами просто талантливо. Любопытно, что, когда за подобную форму брались люди постарше, выходило боком: герои узнавали себя, незвизывая на вымышленные имена, и подавали жалобы либо в суд, либо главному редактору, считая свою частную жизнь неприкосновенной. К жалобам граждан в застойные голы было отношение иное, чем сейчас. Короче, люди среднего возраста предпочитали традиционные жанры публицистики и прозы. Наверное, в том был резон, как и в том, что наиболее яркие мемуарные страницы написаны людьми в летах, мудрым и спокойным взором оценивающими события прошедшего. В этом смысле разница между жизнеописанием Казановы и книгой «Мне сорок лет» говорит сама за себя. Что же касается «послесловий» к дискуссии — не помню автора, которому бы подобные крики влогонку критикам принесли честь и славу. Лучший ответ литератора — новые произведения.

Надежда АЖГИХИНА